

Говард Филлипс Лавкрафт

АЛХИМИК

(The Alchemist)

На вершине горы, набухшие склоны которой у основания топорщатся косматым лесом, привольно раскинувшим узловатые деревья, венцом на ложе трав возлежит замок моих предков. Из века в век ощерившиеся зубцы стен держат в узде суровую, изрытую морщинами местность, приняв под свое покровительство надменный замок, соперничающий по древности, судя по величественному силуэту, с замшелыми стенами. Древние башни, прокаленные вихрем поколений, в многочисленных язвах, оставленных медленно, но наверняка действующим ядом - временем, в эпоху феодализма славились по всей Франции, наводя ужас на одних и восхищая других. Бойницы и укрытия видели баронов, графов и даже королей, готовых биться до последнего, и никогда эхо от шагов завоевателей не раздавалось в просторных залах замка.

Однако с той героической поры все переменилось. Бедность, немногим отличавшаяся от крайней нужды, и гордыня, не позволившая наследникам осквернить свое славное имя торговыми аферами, обрекли на гибель некогда девственное великолепие владений; так что все здесь - осевшие стены, запущенная буйная растительность парка, пересохший ров, наполненный пылью, щербатые внутренние дворики, накренившиеся башенки, покосившиеся полы, траченная обшивка, поблекшие гобелены - слагало грустную повесть об оскудевшей роскоши. С годами одна из главных башен развалилась, потом наступила очередь других. Четырехглавая когда-то крепость стала одноглавой, а место могущественного лорда занял его обнищавший потомок.

Здесь, в одной из просторных и мрачных комнат замка, я, Антуан, последний из обреченного графского рода С., впервые увидел свет девяносто лет назад. Эти стены, как и склоны горы, меченные темными мрачными чащами, лощинами и гротами, были свидетелями первых лет моей безрадостной жизни. Я не знал своих родителей. Мой отец погиб в возрасте тридцати двух лет. Это случилось за месяц до моего рождения; его убил камень, сорвавшийся с полуразрушенного парапета. Моя мать умерла в родах, и я оказался на попечении слуги, человека в высшей степени достойного и наделенного к тому же недюжинным умом. Если мне не изменяет память, его звали Пьер. Я был единственным ребенком. Одиночество, принявшее меня сразу после рождения, только укреплялось благодаря стараниям моего воспитателя, который всячески препятствовал какому бы то ни было общению с крестьянскими детьми, чьи семьи обосновались повсюду на раскинувшейся у подножия горы равнине. В те времена Пьер объяснял свой запрет тем, что отпрыску благородного рода негоже водить дружбу с плебеями. Теперь я знаю, что истинная

причина пряталась в другом: он хотел уберечь мои уши от рассказней о роке, который из поколения в поколение преследовал мой род. Эти истории, щедро расцвеченные, заполняли досуг арендаторов, собиравшихся по вечерам перед жарко растопленным очагом.

Одиноким, предоставленный самому себе, я проводил годы своего детства, час за часом, изучая старинные фолианты, коими изобиловала сумрачная библиотека замка, бесцельно слоняясь или одержимо вспугивая вековую пыль в фантастическом лесу, прикрывающим наготу горы у подножия. Вероятно, это времяпрепровождение и стало причиной того, что тень меланхолии довольно рано осенила мой ум. Занятия и исследования, навевавшие воспоминания о мрачном таинстве дикой природы, всегда имели для меня особую притягательность.

Ученость не была моей стезей: даже те крупницы знания, которые мне удавалось выловить, удручали меня. Очевидная неохота моего престарелого воспитателя углубляться в историю моих предков по отцовской линии обостряла тот ужас, который пронизывал каждое упоминание о доме и невольно передался мне. На излете детства я сумел слепить воедино бессвязные обрывки разговоров, слетавшие с непослушного языка заговаривающегося старика и имевшие отношение к неким обстоятельствам, с годами превратившимся для меня из странных в мучительно мучительные. Рано проснувшиеся во мне дурные предчувствия были пробуждены обстоятельствами, которые сопутствовали смерти моих предков - графов из рода С. Сначала я объяснял их безвременную кончину естественными причинами, полагая, что происхожу из семьи, в которой мужчины долго не живут, однако с возрастом стал задумываться о бессвязных старческих речах, в которых речь часто шла о проклятии, из века в век отмерявшем носителям графского титула срок жизни длиною лишь в тридцать два года. Когда мне минул двадцать один год, престарелый Пьер вручил мне рукописную книгу, переходившую, по его словам, на протяжении многих поколений от отца к сыну с тем, чтобы каждый новый владелец продолжил летопись рода. Книга содержала поразительные записи, и их внимательное изучение ничуть не рассеяло мои мрачные предчувствия. В то время вера во все мистическое пустила глубокие корни в моей душе, и я не был в состоянии изгнать ее и отнестись к невероятному повествованию, которое я впитывал строка за строкой, как к презренной выдумке.

Рукопись перенесла меня в прошлое, в тринадцатый век, когда замок, где я родился и вырос, был грозной и неприступной крепостью. Именно в те времена появился в наших владениях некий человек - весьма примечательный, хотя и низкого положения, в котором ему уступали лишь крестьяне. Его звали Мишель, впрочем, он был более известен как Мове - что значит Злой, поскольку о нем шла страшная слава. Он изнурял себя в поисках философского камня и эликсира молодости и слыл апостолом черной магии и алхимии. У Мишеля Злого был сын по имени Карл, юноша, столь же сведущий в оккультных науках, сколь и отец, которого все звали Ле Сор-сье, или Колдун. Честные люди сторонились этой пары, подозревая, что отец и сын совершают нечестивые обряды. Говорили, что Мишель заживо сжег свою жену, принеся ее в жертву дьяволу, что именно он и его сын виновны в участившихся исчезновениях крестьянских детей. Тьму, которая окутывала этих

людей, прорезал лишь один искупительный луч: ужасный старик исступленно любил своего отпрыска, и тот отвечал ему чувством, намного превосходившим обычную сыновнюю преданность.

В ту ночь в замке на горе царила тревога. Исчез юный Годфрей, сын Генриха, графа С. Несколько человек во главе с обезумевшим отцом, прочесывая местность в поисках юного графа, ворвались в хижину, где жили колдуны, и застали там старого Мишеля Злого, хлопотавшего вокруг гигантского чана, в котором кипело какое-то варево. Не владея собой от бешенства и отчаяния, граф бросился на старика, и несчастная жертва испустила дух в его смертоносных объятиях. Тем временем слуги обнаружили молодого Годфрея в дальних пустовавших покоях замка, но радостная весть пришла слишком поздно, чтобы остановить бессмысленную расправу. Когда граф со своими людьми покинул скромное жилище алхимика и двинулся в обратный путь, за деревьями маячил силуэт Карла Колдуна. Гомон возбужденных слуг донес до него весть о случившемся, и на первый взгляд могло показаться, что он бесстрастно отнесся к судьбе, постигшей его отца. Медленно надвигаясь на графа, Карл монотонным и оттого особенно ужасным голосом произнес проклятие, с того момента неотступно следовавшее по пятам за представителями рода графа С.

Да не достигнет ни один отпрыск рода убийцы

Возраста, превосходящего твой, -

проговорил он и, отпрыгнув в сторону темного леса, быстрым движением выхватил из складок своего платья склянку с бесцветной жидкостью. Плеснув этой жидкостью в лицо убийцы, Карл скрылся за чернильными кулисами ночи. Граф скончался на месте и был похоронен на следующий день. С того дня, когда он появился на свет, и до его смерти прошло немногим больше тридцати двух лет. Тщетно крестьяне, разбившись на группы, прочесывали лес и земли, прилегающие к горе: колдун, умертвивший графа, исчез бесследно.

Время и табу, наложенное на упоминание о страшной ночи, стерли проклятие из памяти семьи графа. Когда Годфрей, невольный виновник трагедии и наследник графского титула, пал от стрелы во время охоты в возрасте тридцати двух лет, никто не связал его гибель с роком, перешедшим к нему от отца. Но когда много лет спустя Роберт, молодой граф, обладавший завидным здоровьем, был найден бездыханным в окрестностях замка, крестьяне стали потихоньку поговаривать, что смерть нашла их господина вскоре после того, как он встретил свою тридцать вторую весну. Людовик, сын Роберта, достигнув рокового возраста, утонул в крепостном рву; скорбный список пополнялся поколение за поколением - Генрихи, Роберты, Антуаны, Арманы, жизнерадостные, ни разу не согрешившие, расставались с жизнью, едва им исполнялось столько лет, сколько было их далекому предку, когда он совершил убийство.

Окончив чтение, я понял, что ждет меня в не столь отдаленном будущем - самое большее через одиннадцать лет, а может быть, и раньше. Жизнь, не имевшая прежде в моих глазах большой ценности, с каждым днем становилась мне все милей, и загадочный мир черной магии все глубже и глубже затягивал меня. Я жил отшельником и не испытывал влечения к науке как таковой; отринув современность

ради Средних веков, я, подобно старцу Мишелю и юноше Карлу, трудился, стараясь овладеть таинствами демонологии и алхимии. Моя искушенность возрастала, но я все же был далек от того, чтобы постичь странное проклятие, обрушившееся на мой род. Порой я утрачивал свой мистицизм и, бросаясь в другую крайность, пытался объяснить смерть моих предков более приземленной причиной - банальной расправой, начатой Карлом Колдуном и продолженной его потомками. Убедившись после долгих разысканий, что род алхимика не имел продолжения, я вернулся к своим штудиям, стремясь найти заклинание, которое способно было бы освободить мою семью от непосильного бремени проклятия. В одном решении я был непоколебим: остаться холостым. Я полагал, что с моей смертью подрубленное родовое древо погребет под собой проклятие.

Я готовился встретить свое тридцатилетие, когда небесный глас призвал Пьера к себе. В полном одиночестве я похоронил старого слугу во внутреннем дворике, где он любил прогуливаться. В конце концов мысль о том, что я - единственное живое существо, обитающее в крепости, перестала занимать меня, ибо я сжился с чувством покинутости, которое притупило тщетный бунт против надвигающегося рока, и почти смирился с тем, что должен разделить судьбу моих предков. Я проводил время, исследуя разоренные залы и башни старого замка, куда раньше не пускал меня юношеский страх; проникал в закоулки, которые, по словам старого Пьера, не слышали человеческих шагов уже более четырехсот лет. Повсюду я наткнулся на странные, внушающие трепет предметы. Я рассматривал мебель, покрытую пылью веков, осыпающуюся трухой под зубами сырости, давно воцарившейся в комнатах. Небывалая дивная паутина опутывала все предметы; гигантские летучие мыши хлопали жуткими иссохшими крыльями в безграничном мраке.

Настал момент, когда я повел самый тщательный учет каждому истекшему дню и каждому истекшему часу. Я был приговорен, и срок исполнения приговора приближался с каждым движением маятника часов, украшавших библиотеку. Момент, при мысли о котором я на протяжении стольких лет замирал от тоски, был неотвратим. Проклятие вырывало моих предков из жизни незадолго до того, как они достигали возраста, в котором погиб граф Генрих, и я ежесекундно ждал прихода страшной гостьи - смерти. Я не знал, в каком облике она предстанет передо мной, но решил, что ей не встретить в моем лице малодушной дрожащей жертвы. С возросшим рвением я продолжал обшаривать замок.

Событие, определившее мою дальнейшую жизнь, случилось во время одной из вылазок в полуразрушенное крыло замка, когда мне оставалось, по моими предчувствиям, менее недели до рокового часа, который должен был стереть даже тень надежды на продолжение моего земного бытия и превратить меня в ничто. Добрую часть утра я посвятил полуразрушенной лестнице в одной из самых древних и потрепанных временем башен замка. День застал меня за поисками места, откуда спуск вел в помещение, служившее в Средние века, по всей видимости, тюрьмой, а затем использовавшееся для хранения пороха. По мере того как я продвигался по пропитанному селитрой проходу, начинавшемуся у последней ступени, настил становился все менее упругим, и вскоре мерцающий свет моего светильника упал на голую, сочившуюся водой стену. Лишенный возможности двигаться дальше, я

хотел было уже повернуть назад, как мой взгляд упал на проделанную в полу неприметную крышку люка с кольцом. Мне пришлось повозиться, прежде чем я сумел ее приподнять. Из черного провала поднимался едкий дым, от которого пламя светильника заметалось с шипением, позволив мне, однако, рассмотреть падающую скользкую и гладкую глубину каменных ступеней.

Опустив светильник в смердящую бездну, я подождал, пока огонь наберет привычную силу, после чего начал спуск. Одолев немало ступеней, я оказался в узком каменном проходе, проложенном, насколько я понимал, глубоко под землей, и долго шел по нему, прежде чем оказался перед источенной сыростью массивной дубовой дверью, которая оказала отчаянное сопротивление моим попыткам открыть ее. Выбившись из сил, я двинулся назад, к лестнице, но, не успев сделать нескольких шагов, испытал потрясение, по своей глубине и болезненности не сравнимое ни с одним переживанием, будь оно плодом эмоций или ума. В могильной тишине я вдруг услышал, как скрипят ржавые петли отворяющейся за моей спиной тяжелой двери. Мне трудно описать свои чувства в тот момент. Я полагал, что старый замок давно опустел, и очевидное присутствие человека или духа словно ножом полоснуло меня по сердцу. Помедлив, я обернулся на звук и, не веря себе, прикинул взглядом к представшему передо мной видению.

В проеме старинной готической двери стоял человек в длинном черном средневековом платье и старинном головном уборе. Его роскошные волосы и дремучая борода отливали чернотой. Я никогда не встречал человека со столь высоким лбом, столь узловатыми, похожими на клешни, мертвенно-белыми руками и столь глубоко запавшими щеками, обрамленными суровыми морщинами. Его костлявое, аскетическое до истощения тело странно и уродливо контрастировало с роскошью одеяния. Но более всего меня поразили его глаза - две бездонные черноты, сочащиеся безрассудной нечеловеческой злобой. Пристальный взгляд, направленный на меня, был преисполнен такой ненависти, что кровь застыла в моих жилах и я словно прирос к полу.

Наконец человек заговорил, и его резкий голос, в котором звучала нескрываемая злоба, тяжелая и глухая, только усугубил мой ужас. Незнакомец облакал смыслы в одеяния, скроенные по латинским образцам, но язык, которым пользовались просвещенные люди в Средние века, был мне не совсем чужим, так как я освоил его благодаря усердному изучению трудов алхимиков. Он повел речь о родовом проклятии, о том, что мне недолго осталось жить; во всех подробностях описал преступление, совершенное моим предком, и, не скрывая злорадства, перешел к мести Карла Колдуна. Я узнал, что в ночь убийства Карлу удалось сбежать, но через много лет, дождавшись, когда наследнику графа исполнится столько полных лет, сколько было его отцу в роковую ночь, он вернулся, чтобы выпустить стрелу в его сердце. Тайком пробравшись в замок, Карл скрывался в том самом заброшенном подземелье, у входа в которое и стоял зловещий рассказчик. Роберту минуло тридцать два года, и тогда Карл подстерег его неподалеку от замка и, силой заставив проглотить яд, умертвил его в расцвете сил; так продолжилось мщение, предсказанное в проклятии. Предоставив мне подобрать ключ к величайшей загадке, состоящей в том, почему проклятие не умерло вместе с Карлом Колдуном, который

рано или поздно должен был найти успокоение в земле, мой собеседник пустился в пространные рассуждения об алхимии и об опытах, коим посвящали все свое время отец и сын, не утаив и того, что Карл бился над получением эликсира, дарующего тому, кто его отведал, вечную жизнь и неувядаемую молодость.

Воодушевление, охватившее незнакомца, казалось, вымыло из его взгляда жгучее злорадство, так ошеломившее меня поначалу, но внезапно дьявольский блеск снова вспыхнул в его глазах, и из горла вырвалось странное змеиное шипение, после чего он высоко поднял склянку с очевидным намерением умертвить меня тем же способом, который шесть столетий назад выбрал Карл Колдун, чтобы расправиться с моим предком. В мгновение ока сбросив с себя оковы оцепенения, подстегиваемый инстинктом самосохранения, я запустил в моего палача слабо мигающим светильником. Склянка ударилась о камень, и в этот момент платье незнакомца вспыхнуло, окрасив воздух мутным отсветом пламени. Мои нервы, и без того расстроенные, не вынесли полного ужаса и бессильной злобы вопля несостоявшегося убийцы, и я рухнул без сознания на скользкие камни.

Когда, наконец, я пришел в себя, вокруг стусутилась тьма. Разум, раненный всем происшедшим, отказывался осмыслить настоящее, но любопытство все-таки одержало верх. "Кто это отродье зла? - думал я. - Как проник этот человек в замок? Откуда эта одержимость, с которой он жаждал отомстить за смерть Мишеля Злого? Как могло получиться, что проклятие из века в век неутомимо достигало свою очередную жертву?" Я знал, что отныне свободен от пут многолетнего страха: ведь я сразил того, кто был призван стать орудием проклятия; и теперь меня охватило жгучее желание осмыслить несчастные события, омрачившие историю моей семьи и превратившие мою юность в непрерывный кошмарный сон. Исполнившись решимости разобраться во всем, я нашарил в кармане огниво и кремень и зажег светильник.

Первое, что бросилось мне в глаза, было изуродованное почерневшее тело загадочного незнакомца. Его глаза, еще недавно горевшие злобой, заволокла смертельная пелена. Содрогнувшись от отвращения, я прошел в комнату за готической дверью. То, что открылось моему взору, более всего напоминало лабораторию алхимика. В углу высилась груда сверкающего желтого металла, из которой луч света высек сноп искр. Вероятно, это было золото, но все пережитое повергло меня в столь странное состояние, что мне не хотелось терять времени на изучение металла. Проем в дальнем углу комнаты вел в самую чашу дикого леса. Пораженный, я понял, каким образом незнакомец проник в замок, и пустился в обратный путь. Я поклялся себе, что не стану смотреть на останки моего врага, но, когда приблизился к телу, до меня донесся едва уловимый стон, словно жизнь еще не покинула брэнную оболочку. Цепенея от ужаса, я склонился над распростертым на полу обугленным и покоренным телом.

Внезапно пелена спала с его глаз, и сквозь их черноту, более пронзительную, чем спекшийся уголь лица, проступило нечто, что я бессилён описать. Потрескавшиеся губы силились вытолкнуть какие-то слова. Я смог различить лишь имя Карла Колдуна, мне показалось также, что с изуродованных губ сорвались слова "вечность" и "проклятие". Напрасно я силился собрать воедино жалкие обрывки его речи. В

ответ на мою растерянность смоляные глаза незнакомца окатили меня такой злобой, что я задрожал, забыв о бессилии моего противника.

Подхваченный последней волной утекающей силы, несчастный чуть приподнялся на сырых склизких камнях. Я помню, как в предсмертной тоске он вдруг обрел голос, и отлетающее дыхание выплеснуло слова, которые с тех пор преследуют меня днем и ночью.

- Глупец! - выкрикнул он. - Неужели ты так и не понял, в чем мой секрет? Жалкий умишко, не способный догадаться, по чьей воле на протяжении шести веков твой род не мог избавиться от страшного проклятья! Разве я не рассказал тебе о чудесном эликсире, дарующем вечную жизнь? Тебе ли не знать, что тайна, над которой бились алхимики, открыта? Слушай же! Это я! Я! Я! Я прожил шестьсот лет, и все шестьсот лет я мстил! Я мстил, ибо я - Карл Колдун!

*Перевод: Елизавета Бабаева
2000 год*